

Он искренне и открыто обратился к старшим:

— Одно лишь прошу: будьте строгими цензорами. Принимаемые комментарии должны быть убедительными и обоснованными — будь то едкие и хлесткие замечания, остроумные шутки или глубокие, заставляющие задуматься мысли. Гонорар я выплачу такой же, как за написание романов. В будущем я хочу отпечатать комментированное издание «Троецарствия», чтобы читатели могли изучать заметки прямо во время чтения. Это и радости добавит, и прославит талант критиков.

— Как... как в тех же «Записках о собранных ароматах», где после основного текста идут страницы с разбором? — обрадованно воскликнул Тан Нин. — Я ведь писал статьи с разбором «Троецарствия»! И на полях книг у меня полно заметок! Вернусь домой — тут же велю принести тебе ту книгу. И денег мне не надо! Главное, напечатай на титульном листе: «С комментариями цянъаньского таланта Тан И'аня»!

Двое других шэньюаней, Лу Ань и Сюй Лиянь, тоже любившие романы, наперебой предлагали ему свои экземпляры «Троецарствия» с заметками на полях. И только Го Юн твердо стоял на своем, думая о «Парных изречениях из Четверокнижия». Он убеждал сначала напечатать несколько десятков экземпляров книги и разослать их всем шэньюаням и знаменитым людям уезда, чтобы намертво закрепить за собой славу «вундеркинда», а уж потом браться за все остальное.

Цуй Се был немного беспомощен перед его упрямством, но еще сильнее тронут такой заботой. Он твердо кивнул и ответил:

— Старший Го, не беспокойтесь. Завтра же велю резчикам приступить к работе.

Пока они разговаривали, невестка Хуан принесла еду. Слуги и книгоноши, прибывшие с господами шэньюанями, помогли занести блюда, заставив ими весь стол. Ранее за разговором гости съели немало лепешек с кедровыми орешками и облачных коврижек, запивая их чаем, так что слегка утолили голод. Поэтому к обильным сытным блюдам — жемчужным тефтелям, жареным карасям с хрустящей корочкой, тушеным бараньим бабкам и пареным бараньим курдюкам — они приступили не торопясь. Они пили вино, угощались, беседовали о стихах и прозе, изредка заводя речь об экзаменах.

Цуй Се вернулся уже сытым, поэтому не стал ужинать снова, а просто сидел рядом, подливая вино и изредка беря палочками немного постных овощей. В разговоры о стихах и прозе он вклинить не мог, но когда зашла речь о государственных экзаменах, не удержался и стал расспрашивать об их опыте.

Ван Чжичан с улыбкой произнес:

— Ну, тут нам есть что сказать! Хотя я и много лет безуспешно сдаю экзамены, на сдачу испытаний для туншэнов опыта набрался. Разумеется, я должен рассказать о нем младшему брату.

Он постучал палочкой по краю рюмки, поразмыслил и заговорил:

— Начнем с правил в экзаменационном зале. Экзаменационную бумагу и черновики нужно заранее купить в обрядовом отделе уездной ямени. Купив, заполнить сведения о трех поколениях предков и изучаемых канонах, после чего писарь поставит печать на стыках листов. Свою бумагу приносить в уездную школу строго запрещено — ни листика! Экзаменационные дни как раз приходятся на февраль, мороз стоит лютый. Ты приготовь себе

кожаную одежду без тканевой подкладки и без меха снаружи. На обыске ее все равно придется снять, да померзнуть, зато, когда сядешь за стол, эта вещь отлично тебя согреет.

Го Юн тоже принялся вспоминать и неторопливо добавил:

— На уездных и управских экзаменах имена на работах не запечатывают. Если в сочинении есть достоинства, уездный и управский начальники, глядя на твой возраст, вполне могут пропустить тебя, пусть и с нижними баллами. А вот на провинциальном испытании — как повезет. Дай Жэнь прибывает из столицы. Одни чиновники благоволят юным ученым, другие — зрелым мужам. Увидев, что ты слишком мал, Дай Жэнь может занизить оценку, чтобы дать тебе время укрепить познания.

Он поднял глаза на Цуй Се и улыбнулся:

— Однако если ты окажешься вундеркиндом, издавшим «Парные изречения из Четверокнижия», дело примет иной оборот. Дай Жэнь прибывает в Юнпинскую управу не только ради проведения юаньши, но и чтобы проверить ученый нрав и провести аттестацию местных шэньюаней... Если к тому времени он услышит о таком вундеркинде, да еще увидит парные изречения, выписанные из классических канонов, то решит, что ты, несмотря на юные лета, ученый благородный и степенный. А когда сдашь работу, проявив выдержку и основательность, ему незачем будет опасаться твоей заносчивости, и занижать оценку он не станет.

Старший Го был с ним почти одного возраста, а ведь так глубоко постиг тонкости экзаменационного поля! Неудивительно, что чиновники и ученые люди всего уезда считают его первым кандидатом на успешную сдачу сянши!

От такого анализа Цуй Се и сам почувствовал, будто сдать экзамен для туншэнов — раз плюнуть!

Цуй Се от волнения слегка покраснел, налил ученым еще по рюмке вина и уставился на них с надеждой, ожидая новых подробностей.

Остальные трое тоже поделились запретами и тонкостями: к примеру, в экзаменационный зал нужно заранее приготовить еду и мелкую монету для подкупа надзирателей; отлучиться по нужде разрешают лишь дважды за день; а если сдал работу раньше времени, все равно придется ждать у дверей, пока не соберется группа... Особенный запрет касался упоминаний в тексте своего происхождения или тяжелой доли во время учебы — за малейший намек на подобное работу немедленно аннулировали.

Цуй Се вспомнил разнообразные шоу талантов и интервью из своего прошлого мира, где давить на жалость было обязательным элементом, и невольно восхитился Чжу Юаньчжаном, установившим эти правила. Когда жалеть себя никому не позволено, соискателям не приходится ломать голову над сочинением трагического детства, а проверяющим — колебаться между сочувствием к неимущему и объективной оценкой текста.

Он с огромным интересом слушал их рассказы об экзаменационных правилах. Когда темы иссякли, а к ученым мужам пришло поэтическое вдохновение, Тан Нин поднял кубок:

— В этой комнате собрались исключительно шэньюани да вундеркинды! Воистину, «в речах лишь великие мужи, среди гостей нет невежд»! А не испробовать ли нам способ молодого господина Цуй с его «Парными изречениями из Четверокнижия»? Будем подбирать парные строки из древних стихов. Кто не справится — пьет штрафную...

Ван Чжичан возразил:

— Пить столько вина в доме молодого господина Цуй — не принесет ли это ему лишних хлопот? Я предлагаю так: кто не слагает пару, тот расставляет за него одну книгу. Пока расставим все книги по местам, и хмель сойдет, и еда уляжется, а там и по домам пора!

Наказание показалось всем весьма изысканным, и гости единодушно согласились. Ван Чжичан первым процитировал строку Лю Юйси:

— «Когда же капать клепсидре медной?»

Сидевший рядом Тан Нин тут же подхватил:

— «В императорском саду к вечеру глуше стук колотушек».

Сложив парную строку, он сразу задал первую строку сидевшему подле Сюй Лияню:

— «У резной ограды дым свечи источает свет, словно солнце».

Ученые подхватывали поэтическую эстафету один за другим. Цуй Се стихов не слагал, а потому взялся присматривать за игрой и записывать парные строки. Стоило кому-то запнуться, как он вручал книгу, чтобы неудачник вернул ее на полку, сверяясь с ярлыком на корешке.

Поначалу все отвечали легко и гладко, но полчаса спустя вдохновение потихоньку иссякло, и один за другим они отправлялись к книжным шкафам. Совершив несколько таких «ходов», гости вместе с потом окончательно прогнали хмель.

Прощаясь, ученые разминали затекшие поясицы и ноги.

— Шли к тебе, казалось бы, отдохнуть да почитать, а устали еще пуще! — с сожалением ворчали они. — Эх, брат Ван, ну и затейник! Куда лучше было бы допить вино и убраться всем вместе, чем вот так без конца вставать да садиться.

Цуй Се, едва сдерживая смех, проводил их за ворота, после чего вернулся в дом и аккуратным академическим почерком гуаньгэти переписал «Парные изречения из Четверокнижия». С этим списком он отправился в мастерскую к резчикам. Сборник насчитывал всего около пятисот парных фраз, в основном из двух или трех иероглифов, и был короче «Алмазной сутры». Иллюстраций в нем не предполагалось, так что четверо резчиков временно отложили цветные гравюры «Дяочань молится луне» и «Люй Бу флиртует с Дяочань» и быстро вырезали доски.

Вспомнив, как в будущем оформляли учебные пособия, Цуй Се на мгновение задумался: не поместить ли свой портрет на нахзац, чтобы школьники росли в тени его величия? Однако идея показалась слишком смутительной, и он лишь попросил отпечатать слева от заглавной полосы: «Составлено Цуй Се из Цяньаня». Поскольку книга предназначалась главным образом в подарок, издательскую марку ставить не стали.

Первый тираж составил сотню экземпляров. По одной книге преподнесли уездному начальнику, его помощнику, уездному инспектору просвещения, наставникам, а также знакомым шэньюаням и туншэнам, попросив сверять и комментировать текст. Го Юн с друзьями попросили еще несколько комплектов, пообещав найти людей для написания предисловий и отзывов. К сожалению, Цуй Се редко выходил в свет и близких знакомств среди ученых мужей почти не имел. Он отправил экземпляр даже старшему сыну соседа Чжао,

учившемуся в управском центре, но оставалось еще множество неразданных книг. В итоге он решил просто сдать их на комиссию в книжную лавку.

Впрочем, он прекрасно понимал: этот учебник для начального образования будет лишь пылиться на полках. Учителя в частных школах привыкли к своим проверенным пособиям, и без мощной рекламной кампании заставить их сменить учебники невозможно. А продвижение потребовало бы столько сил и средств, что прибыль себя не оправдала бы — куда выгоднее продолжать печатать «Алмазную сутру».

К тому же бумага Цуй и романы в лавке продавались отменно. В распоряжении управляющего Цзи появились деньги, и он даже отправил сына в столицу за сборниками успешных работ с сянши и свежими беллетристическими повестями. Любой из этих товаров расходился куда лучше сборника парных фраз. Передавая книги приказчику Фану, пришедшему за товаром, Цуй Се снисходительно заметил:

— Не пойдет торговля — и бог с ней, пусть стоят на полках.

И все же, хоть Цуй Се так и сказал, разве мог приказчик сквозь пальцы отнестись к продаже книги, написанной самим хозяином? Вернувшись, приказчик Фан посоветовался с управляющим Цзи и его сыном. Они установили перед лавкой большой щит с надписью: «Чудокнига для начального обучения: “Парные изречения из Четверокнижия”, собранные пятнадцатилетним вундеркиндом нашего уезда». Под вывеской разложили книги и приставили пятнадцатилетнего ученика присматривать за ними.

<http://bllate.org/book/18372/1761293>